

Б.Б. Давыдов

Независимый исследователь,
121357 г. Москва, Российская Федерация

Эпигоны декабристов: к историографии проблемы

После подавления восстания декабристов в русском обществе довольно долго существовал «шлейф» их влияния. Советские исследователи много занимались изучением деятельности «декабристов без декабря». Были найдены архивные документы, на основании которых появилась концепция «связующего этапа» между декабристами и следующим этапом освободительного движения – разночинским (буржуазно-демократическим). Дальнейший архивный поиск позволил критически подойти к этой концепции. Так, например, ряд следственных дел, возникших в южных военных поселениях или заведенных в других местах, но касающихся людей, каким-то образом с ними связанных, в 1826–1827 гг., вскоре после подавления восстания декабристов, свидетельствует о некоторой степени проявления вольнодумства среди находившихся в поселениях солдат и офицеров. Однако, как показывают следственные дела, никого из них нельзя относить к последователям декабристов.

Ключевые слова: декабристы, эпигоны декабристов, военные поселения в России, отечественная историография, архивные документы

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Давыдов Б.Б. Эпигоны декабристов: к историографии проблемы // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 4. С. 41–54. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-41-54

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-41-54

B.B. Davydov

Independent researcher,
Moscow, 121357, Russian Federation

Epigones of the Decembrists: Towards the historiography of the problem

After the suppression of the Decembrist Uprising, a “trail” of their influence lingered in Russian society for quite some time. Soviet researchers devoted extensive attention to the activities of the “Decembrists without December.” Archival documents were discovered that led to the concept of a “connecting stage” between the Decembrists and the next stage of the liberation movement – the *raznochintsy* (bourgeois democratic) movement. Further archival research allowed for a critical approach to this concept. For example, a number of investigations that arose in the southern military settlements or were opened elsewhere, but concerned people somehow connected to them, in 1826–1827, shortly after the suppression of the Decembrist Uprising, attest to a certain degree of freethinking among the soldiers and officers stationed in the settlements. However, as the investigations show, none of them can be classified as followers of the Decembrists.

Key words: Decembrists, Decembrist epigones, military settlements in Russia, Russian historiography, archival documents

FOR CITATION: Davydov B.B. Epigones of the Decembrists: Towards the historiography of the problem. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 4. Pp. 41–54. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-41-54

В конце 2025 г. исполнилось 200 лет со дня восстания декабристов на Сенатской площади. Это событие и его последствия имели важное значение для развития России. С одной стороны, оно показало, что либеральные идеи, пришедшие в период наполеоновских войн с Запада, глубоко овладели сознанием представителей русского образованного дворянства. С другой стороны, продемонстрировали опасность деятельности либерально настроенного офицерства и гражданских чиновников

для государства, поскольку реформаторские планы заговорщиков, в среде которых было достаточно и внутренних разногласий, неизбежно привели бы к распаду России и к гражданской войне. Политика императора Николая I в течение всего периода его царствования была направлена на отрицание западноевропейского либерализма. Но после его смерти и прихода к власти Александра II эти проблемы обострились вновь, и новому правительству пришлось отвечать на те же вопросы, которые обсуждали декабристы. Маятник «либерализм – консерватизм» и его обратное движение еще неоднократно сыграет свою роль в политической истории России.

Но и после подавления восстания декабристов еще довольно долго в русском обществе существовал «шлейф» их влияния. Власти чутко реагировали на любое проявление революционных или даже либеральных настроений. Те, кто позволял себе высказывать такие идеи, надолго оказывались изолированными от общества или состояли под полицейским надзором (см., например [10; 11]). В советское время исследователи много занимались изучением деятельности «декабристов без декабря». Однако при изучении архивных документов становится ясно, что это была только одна сторона картины. Она будет неполной, если не обратить внимание на судьбы людей, ложно обвиненных в том, что принадлежали к декабристскому движению, или тех, кто по каким-либо причинам сам назвал себя декабристом, понеся при этом наказание.

Так, например, в 1826–1827 гг. в южных военных поселениях было заведено несколько следственных дел, связанных с появлением вольнодумных произведений или ведением «вольных разговоров». Что же представляли собой эти дела?

Некоторые из них (дела поручика 3-го батальона Тарутинского пехотного полка И.И. Ланзберга, офицеров Чугуевского военного поселения Р.И. Дорохова и П.Г. Сиянова, бывшего студента Харьковского университета В.Г. Розалион-Сошальского) подробно освещены в работах М.А. Цявловского, В.Г. Вержбицкого, И.А. Федосова, М.А. Рахматулина [2; 12; 14; 15]. Однако некоторые детали этих и ряда других дел, обнаруженных в фонде 405 (Департамент военных поселений) Российского государственного военно-исторического архива, ранее в историографии не рассматривались и представляют интерес для более полного раскрытия темы.

В конце декабря 1826 г. поручик 3-го батальона Тарутинского пехотного полка, не входившего в состав поселенных войск, а только находившего в них на работах, И.И. Ланзберг получил «предосудительные и противные общему порядку» сочинения от помещика Волковского

уезда Пашинского¹ и «на другой день случайно предложил их прочесть батальонному командиру Фрею»². Это были сочинения В.Ф. Раевского «К друзьям», К.Ф. Рылеева «К временщику» и сочинение неизвестного автора «Рылеев в темнице». Ланзберг не сознался, «что сам читал их, кроме одного заглавия “К временщику”, или знал»³. Майор Фрей представил эти сочинения бригадному командиру Н.Г. Вансовичу, который, в свою очередь, препроводил их копии «к Слободско-Украинскому губернатору Муратову для открытия сочинителя», а подлинники были отправлены начальнику III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии генерал-лейтенанту А.Х. Бенкендорфу⁴.

Как отмечал русский и советский филолог-пушкинист М.А. Цявловский, подробно рассмотревший это дело в статье «Эпигоны декабристов» (1917), было выяснено, что автором произведения «Рылеев в темнице», находившегося в числе других у Ланзберга, являлся бывший студент Харьковского университета В.Г. Розалион-Сошальский [15, с. 103]. Стало также известно, что это и другие либеральные сочинения имели распространение среди студентов Харьковского университета. Исполняющий обязанности ректора университета И.Я. Кронеберг, в свое оправдание, доносил попечителю этого учебного заведения А.А. Перовскому: «место, из которого студенты наши получали подобного рода сочинения, есть Чугуевское военное поселение», и указывал конкретно на двух лиц – офицера П.Г. Сиянова и разжалованного в рядовые Р.И. Дорохова⁵ [15, с. 77–80]. «Вообще, – считал Кронеберг, – студенты наши теперь очень далеки от занятий подобного рода сочинениями и, если бы не поселенные офицеры, то таковых сочинений вообще бы в Харькове не было» [Там же, с. 78].

Генерал-адъютант С.С. Стрекалов, которому было поручено расследование, прибыл в Харьков 7 мая 1827 г., 14 августа того же года представил всеподданнейший рапорт. Выписку из него генерал-адъютант А.Н. Потапов передал для высочайшего доклада начальнику Главного штаба Е.И.В. генералу от инфантерии гр. И.И. Дибичу. Из рапорта

¹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 91. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Руфин Дорохов (сын героя Отечественной войны 1812 г. генерал-лейтенанта И.С. Дорохова) был разжалован в рядовые за участие в дуэли. Как утверждал Б.Л. Модзалевский, Л.Н. Толстой изобразил его в романе «Война и мир» под именем Долохова. Дорохов был знаком с А.С. Пушкиным и имел с ним переписку [15, с. 79–80].

следовало, что Сиянов⁶ находился в Петербурге и служил «старшим адъютантом Главного штаба Е.И.В. по военному поселению, Дорохов отправлен в Грузию и объяснение от них не отобрано» [Цит. по: 15, с. 101]. Что же касается других офицеров военного поселения, то «по большому их занятию службою, они мало имеют времени к другому упражнению. <...> Тайных же связей со студентами не замечено, и, кажется, не существует», – к такому выводу пришел Стрекалов, проводя тщательное расследование [Цит. по: 15, с. 101].

Ланзбергу, по мнению Стрекалова, нужно «вместо наказания, вменив ему 8-месячный арест, записать его в полки, в Грузии находящиеся» [Цит. по: 15, с. 103]. Но император Николай I не согласился с мнением Стрекалова и соизволил простить Ланзберга по молодости лет [12, с. 94].

Дело другого отставного офицера того же Тарутинского пехотного полка штабс-капитана Семёна Кушлянского довольно подробно освещено в работе В.Г. Вержбицкого. Из материалов, обнаруженных Вержбицким в фонде 109 (III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии) Государственного архива Российской Федерации видно, что у Кушлянского, проживавшего в Смоленске и там же арестованного в 1826 г., был изъят черновик написанного им «Воззвания Русского к Отечеству» [2, с. 67]⁷. «Воззвание...», как видно из его текста, написано «дерзкими выражениями насчет Государя и правительства» [Там же, с. 69] и оно, вполне вероятно, могло относиться (в смысле его направленности) и к военным поселениям. (Об отношении декабристов к военным поселениям подробнее см.: [3, с. 100–119; 5; 6].) За написание этого документа и «вольные разговоры» Кушлянский был выслан по месту жительства своих родственников в Могилёвскую губернию, и за ним был установлен полицейский надзор [2, с. 69].

⁶ Ни Дорохов, отправленный в полки Отдельного Кавказского корпуса, ни Сиянов к следствию не привлекались. Тем более, что согласно версии М.А. Рахматуллина (вполне аргументированной), майор Сиянов (в 1826 г. – штабс-капитан) являлся по этому делу, «судя по всему, тайным осведомителем III отделения» [12, с. 95]. Внезапный перевод в Петербург на должность старшего адъютанта в Главный штаб военных поселений, многолетнее расположение к нему Николая I, полное отсутствие интереса к личности Сиянова со стороны следствия и других охранительных органов, а также его служба в 1830 г. в Корпусе жандармов позволяют говорить об этом [Там же, с. 94–95].

⁷ Правда, иногда поверхностное изучение работ предшественников приводит некоторых исследователей к существенным недочетам. Так, Я.В. Леонтьев в 1990 г. утверждал, что о Кушлянском и написанном им воззвании в историографии сведений и даже упоминаний нет, и приводил текст воззвания и биографию автора [9]. Между тем, текст воззвания в 1964 г. опубликован в монографии В.Г. Вержбицкого [2, с. 69].

В том же 1826 г. возникло дело унтер-офицера 2-го Украинского уланского полка Николая Воротильяка [7]. В первом томе биобиблиографического словаря «Деятели революционного движения в России» о нем приводятся следующие данные: Воротильяк выдавал себя за члена Северного общества (1826 г.), разжалован в рядовые [8, с. 38]. По архивным источникам можно установить, что Воротильяк был арестован по доносу отставного адъютанта Бугской уланской поселенной дивизии штабс-ротмистра И.А. Клейста⁸. Из доноса Клейста следовало, что Воротильяк является членом Северного общества и знает многих участников декабристского восстания. Однако, как показало следствие, произведенное под руководством командира 3-го резервного поселенного кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта И.О. Витта, донос Клейста на Воротильяка оказался ложным.

Что же побудило Клейста написать донос? Материалы следствия показывают, что Воротильяк дал Клейсту заемное письмо на 5 тыс. руб.⁹ Клейст, в свою очередь, просил Воротильяка о присылке денег, но ответа не получил. Он не донес на Воротильяка «в то время, а сделал сие спустя 20 дней после разговора, тогда, как не получил денег»¹⁰.

Витт, рассмотрев имеющиеся в его распоряжении факты, в рапорте на имя начальника Главного штаба Е.И.В. Дибича пришел к выводу, что «Воротильяк никогда не принадлежал к тайным обществам и не имел сношения с членами оных» и «вероятно, по ветренности и легкомыслию своему в ту минуту вздумал похвастаться перед Клейстом, что ему известны члены тайного общества и, сверх тех, кои уже обнаружены правительством»¹¹. Витт также писал в рапорте, что Воротильяк говорил, «хотя и из хвастовства хозяйке своей в г. Елисаветграде... Горбиной», что он принадлежит к обществу карбонариев¹². Из собранных по делу сведений Витт пришел к заключению: «Воротильяк не принадлежал к тайным обществам злоумышленников», отмечая, в то же время и не отвергая, «что он вовсе не говорил Клейсту что-либо сходное с объявленным на него сим следующим, и Клейст, конечно, слышал что-нибудь подобное тому, о чем сделал свое донесение»¹³.

⁸ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 82. Л. 5–6.

⁹ Там же. Л. 17 об.

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 5254. Л. 33 об.

¹¹ Там же. Д. 82. Л. 16.

¹² Там же. Л. 19 об.

¹³ Там же. Л. 18 об. – 19.

В феврале 1827 г., когда дело Воротильяка было в самом разгаре, и он находился под арестом в г. Елисаветграде, его посетил на гауптвахте И.В. Шервуд (они были давними знакомыми), имел с ним беседу и обещал свое покровительство [13, с. 168]. Жандармский полковник И.П. Бибиков и прикомандированный к нему Шервуд по заданию Бенкендорфа в это время осуществляли секретную миссию по ознакомлению с политическими настроениями на юге империи [Там же, с. 166]. Подробно об этой миссии писал в своей работе советский историк И.М. Троцкий [Там же, с. 166–169]. Он отмечает: «Граф Витт, выполнявший в последние годы царствования Александра I на юге обязанности, отнятые у него III-м отделением, конечно, рад был очернить агентов последнего, и уже 7 марта приехавший в Петербург адъютант его штабс-ротмистр Чиркович донес о предосудительных поступках Бибикова и Шервуда» [Там же, с. 167]. Одним из таких поступков, инкриминировавшихся Шервуду, было как раз посещение им арестованного Воротильяка¹⁴.

В оправдание Шервуда, Бибиков в записке на имя Бенкендорфа (который, в свою очередь, сделал ему замечание, «что пребывание Ваше в Бугских военных поселениях произвело несколько невыгодных для Вас толкований»¹⁵) от 19 апреля 1827 г. писал о свидании Шервуда и Воротильяка только как о встрече старых знакомых¹⁶. При этом важно то, что Бибиков ничего не пишет о Воротильяке как о члене тайного общества, а пишет о встрече с ним Шервуда просто как с давним знакомым, хотя одной из задач миссии Бибикова и Шервуда непосредственно являлся поиск остатков тайных обществ. Этим косвенно подтверждается правильность выводов Витта о непричастности Воротильяка к деятельности тайного общества. Кстати, не менее интересен и тот факт, что Шервуд, прибыв в Елисаветград и пробыв там 4 дня, квартировал у ... отставного штабс-ротмистра Клейста¹⁷.

Как же сложилась дальнейшая судьба участников этого дела?

В результате разбирательства Клейсту было «Высочайше повелено... жить в Херсоне и полиции иметь за ним надзор»¹⁸. В декабре 1829 г.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии). Оп. 2. 1-я эксп. (1827 г.). Д. 1. Л. 27 об.; Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 124. Л. 2.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии). Оп. 2. 1-я эксп. (1827 г.). Д. 1. Л. 58.

¹⁶ Там же. Л. 97 об.

¹⁷ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 124. Л. 2.

¹⁸ Там же. Д. 82. Л. 16.

в записке на имя императора Бенкендорф писал: «состоящий под надзором полиции штабс-ротмистр Клейст просит освободить его из-под надзора и определить на службу»¹⁹. О Клейсте были наведены подробные справки и выяснено, что он «отличного поведения и во все время нахождения его в Херсоне ведет жизнь скромную и честную, но в самом бедном состоянии; квартирует у неимущих людей, которые из сострадания помогли ему»²⁰. Дело это тянулось достаточно долго, но все же решилось для Клейста положительно. Пометка на деле Клейста от 4 апреля 1831 г., написанная рукой генерал-адъютанта П.А. Клейнмихеля, гласит: «Государь император Высочайше повелеть соизволил: штаб-ротмистра Клейста освободить из-под надзора»²¹.

Воротильяк же был признан «виновным в вольнодумных поступках» и, как говорилось выше, разжалован в рядовые и переведен на службу в другой полк²². Рапорты командира Санкт-Петербургского уланского полка М.Г. Хомутова (в его полк был определен на службу Воротильяк) на имя Дибича с 1 октября 1827 г. по 1 сентября 1828 г. о поведении рядового Воротильяка свидетельствуют, что он «службу несет с усердием» и «поведения очень хорошего»²³. 20 июля 1829 г. «по Высочайшему повелению» Воротильяк «переведен, по-прежнему, в унтер-офицеры»²⁴.

Несколько позднее, в середине апреля 1827 г., было открыто «Дело о злоумышленниках в округах военного поселения 2-й уланской дивизии». Материалы этого дела показывают, что прапорщик Урлапов из 3-го батальона 27-го Егерского полка, входившего в бригаду полковника Н.Г. Вансовича, донес, что отставные прапорщик Белозор и поручик А.Г. Немолостышев у него на квартире в г. Харькове «делали меж собою заговор, касающийся до государства, и один другому дали подписки убить царствующего Государя императора в проезде г. Харькова и где не есть, приглашая к оному и меня»²⁵. Через некоторое время к Вансовичу явился прапорщик Васильев (офицер того же батальона, где служил Урлапов) и в рапорте на его (Вансовича) имя показал, что Урлапов говорил ему о том, что служившие в бригаде штабс-капитан

¹⁹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 5254. Л. 2.

²⁰ Там же. Л. 34 об.

²¹ Там же. Л. 32.

²² Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 82. Л. 123.

²³ Там же. Л. 129, 130, 133 и др.

²⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии). Оп. 2. 1-я эксп. (1827 г.). Д. 276. Л. 8.

²⁵ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 96. Л. 4.

Сиверич, Белозор и Немолостышев, «будучи нетрезвы, показывали ему данные друг другу расписки на гербовой бумаге»²⁶. Все офицеры, причастные к этому делу, были арестованы, и у них производились обыски, «но ничего противозаконного между бумагами не оказалось»²⁷.

Затем всех их перевезли в Петербург и, пока шло следствие, они содержались в Петропавловской крепости²⁸. Следствие по этому делу продолжалось до середины сентября, и по его результатам в Аудиторском департаменте было сделано заключение, что «Урлапов доноса своего ничем законно не доказал», а потому оказывается виновным, потому как «утруждал начальство неосновательным его доносом»²⁹. А штабс-капитан Сиверич, отставные прапорщик Белозор и поручик Немолостышев, хотя «не уличены против доноса Урлапова» и не имели намерение организовать тайное общество и покушаться на жизнь императора³⁰, обвинялись «за предосудительное поведение и за пристрастие к карточной игре»³¹. В итоге император Николай I повелел перевести Сиверича на службу в Таманский гарнизонный батальон, а прапорщиков Урлапова и Васильева (по замечанию Департамента, «сам Васильев признался, что он столь слаб, что в нетрезвом виде не помнит, что делает или говорит»³²) в Оренбургский корпус. Отставные офицеры Белозор и Немолостышев были определены в военную службу рядовыми.

В монографии В.Г. Вержбицкого частично рассматривалось «дело» С. Кузьмина – унтер-офицера 2-го учебного карабинерного полка [2, с. 76]. В параграфе «Попытки развернуть революционную агитацию в войсках» Вержбицкий утверждал, что в армии после подавления восстания декабристов «значительное место занимают попытки передовых военных людей развернуть революционную агитацию... в офицерской среде» [Там же, с. 71]. Как пример такой агитации им приводилось упомянутое выше дело прапорщика Васильева и поручика Немолостышева. В показаниях Васильева фигурировала фамилия С. Кузьмина. Васильев заявил, что в Московском военно-сиротском отделении у унтер-офицера Кузьмина он видел сочинение Вольтера «Вопросы законоучителям

²⁶ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 96. Л. 7 об.

²⁷ Там же. Л. 6 об.

²⁸ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 127. Л. 6.

²⁹ Там же.

³⁰ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 127. Л. 6 об.

³¹ Там же.

³² Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 127. Л. 7.

христианской церкви», «в коем доказывается, что не будет Страшного суда...» [цит. по: 2, с. 76]. Васильев также полагал «по разговорам Кузьмина, что у него есть непозволительные стихи» [цит. по: 2, с. 76]. Говоря о деле Кузьмина, Вержбицкий отмечал: «известно лишь, что власти проводили строжайшее расследование», но дальнейшая судьба подсудимого осталась неизвестной [2, с. 76].

Дело, обнаруженное нами в РГВИА³³, позволяет проследить все перипетии следствия и суда над ним [4].

Сергей Кузьмин – унтер-офицер, учитель батальона кантонистов 2-го учебного карабинерного полка, был арестован в конце августа 1827 г.; в квартире, снимаемой им для семьи (жены и двух маленьких детей), был произведен обыск. Среди бумаг, хранившихся в чулане, оказались: «1) Письмо Вольтера к учителям церкви, отвергающее будущую жизнь и законы религии, 2) Стихи под названием Вирсавия, написанные в осмеяние жизни св. пророка Давида, 3) Стихи под названием “Мои досуги”, между коими находятся непозволительные мысли о правосудии, и, наконец, 4) Всеобщее учение и при оном отрывок неудобопонятного истолкования цифрами о существовании Божием (так в тексте. – Б.Д.)»³⁴.

На допросе Кузьмин показал, что эти произведения хранились «у него без всякого намерения и употребления, ибо, прочитавши их один раз, оставил в забвении, не показывая ни товарищам своим, ни кантонистам или другим сторонним людям»³⁵. Кузьмин был перевезен из Москвы в Петербург и 25 сентября 1827 г. «посажён в каземат Зотова бастиона в № 2» Петропавловской крепости³⁶.

Комиссия военного суда 1-го учебного карабинерного полка, рассмотрев дело, «нашла подсудимого виновным в том, что он не представил вредных рукописей тот же час по команде, следовательно, оказался неявным участником противных нравственности и общему порядку сочинений, по крайней мере, человеком, скрывающим виновников оных, за что приговорила его на основании 5-го артикула Воинского сухопутного устава к лишению живота»³⁷. Однако командир 1-го учебного карабинерного полка полковник Веймарн не согласился с заключением комиссии, посчитав, что Кузьмина следует «разжаловать в рядовые, прогнать шпицрутенами через пятьсот человек один раз и, записав штраф

³³ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 400.

³⁴ Там же. Л. 54 об. – 55.

³⁵ Там же. Л. 55 об. – 56.

³⁶ Там же. Л. 18.

³⁷ Там же. Л. 47 об.

в формулярный список, отправить к определению в армейские полки»³⁸. Начальник Главного штаба Е.И.В. по военному поселению П.А. Клейнмихель согласился с мнением Веймарна, решив, что Кузьмина после наказания следует отправить «в третий батальон 1-го пехотного корпуса, предав церковному покаянию, по назначению духовного начальства»³⁹.

Но «дело сие... по важности предмета» было отправлено на окончательное решение Аудиторского департамента Главного штаба Е.И.В.⁴⁰ Изучив все детали дела, 25 сентября 1829 г. Аудиторский департамент вынес решение, освободив Кузьмина от суда и «вменив ему в наказание бытность под судом и арестом... перевести тем же чином в армейские полки»⁴¹. По заключению департамента, в действиях Кузьмина не было «ни разврата, ни злонамеренности»⁴². А в начале января 1830 г. из Главного штаба Е.И.В. по военному поселению в 1-й учебный карабинерный полк поступило распоряжение отправить Кузьмина на службу в сводную дивизию 5-го пехотного корпуса⁴³.

Итак, обнаруженные нами архивные источники показывают, что «дело» С. Кузьмина, рассматриваемое в историографии как продолжение декабристских традиций, не являлось таковым, а его появление было связано с атмосферой подозрительности, закономерно проявившейся после декабрьских событий 1825 г.

На современном этапе развития историографии этой темой, в числе прочих, занимается Т.В. Андреева. В своей монографии «Тайные общества в России в первой трети XIX в.» (опубликована в 2009 г., в 2010 г. работа защищена как докторская диссертация) она посвятила один из параграфов главы V эпигонам декабристов [1, с. 830–863]. Исследовав по архивным документам деятельность нескольких тайных организаций, существовавших в конце 1820-х – начале 1830-х гг., в т.ч. дело поручика Ланзберга (в книге он именуется Лансбергом) [Там же, с. 841–842], Андреева пришла к следующим выводам: «Являясь в той или иной мере проявлением декабристской традиции, нелегальные объединения второй половины 1820-х – начала 1830-х гг. отличались от “Тайного общества” декабристов немногочисленностью, не чисто дворянским социальным составом, слабо выраженными организационными

³⁸ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 400. Л. 48.

³⁹ Там же. Л. 52 об.

⁴⁰ Там же. Л. 48 об.

⁴¹ Там же. Л. 69 об.

⁴² Там же.

⁴³ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 2. Д. 400. Л. 82 об.

и конспиративными элементами, отсутствием четко разработанных политических программ, группированием вокруг одного “вождя”. <...> Спад революционной волны находил подтверждение и в усилении в эпигонской среде провокаторства и доносительства» [1, с. 863].

Таким образом, ряд следственных дел, возникших в южных военных поселениях или заведенных в других местах, но касающихся людей, каким-то образом с ними связанных (например, С. Кушлянского), в 1826–1827 гг., вскоре после подавления восстания декабристов, свидетельствует о некоторой степени проявления вольнодумства среди находившихся в поселениях солдат и офицеров. Одни из них, такие, как Ланзберг и Кушлянский, были арестованы – первый за хранение; второй – за написание либеральных произведений. Другие, как Р.И. Дорохов и П.Г. Сиянов, подозревались в распространении таких произведений. Третьи, как Сиверич, Белозор и Немолостышев, вообще, в доносе на них, обвинялись в подготовке покушения на императора, а Н. Воротильяк – в принадлежности к тайному обществу. Однако, как показывают следственные дела, ни Кушлянского, ни Ланзберга, ни Дорохова или Сиверича и других привлеченных по этому делу, а тем более Воротильяка или Сиянова, нельзя относить к последователям декабристов.

Библиографический список / References

1. Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. [Andreeva T.V. *Taynyye obshchestva v Rossii v pervoy treti XIX v.: pravitelstvennaya politika i obshchestvennoye mneniye* [Secret societies in Russia in the first third of the 19th century: Government policy and public opinion]. St. Petersburg, 2009.]
2. Вержбицкий В.Г. Революционное движение в русской армии. 1826–1859 гг. М., 1964. [Verzhbitsky V.G. *Revolyutsionnoye dvizheniye v russkoy armii. 1826–1859 gg.* [Revolutionary movement in the Russian Army. 1826–1859]. Moscow, 1964.]
3. Давыдов Б.Б. Военные поселения в России первой половины XIX века в оценках современников: дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. [Davydov B.B. *Voyennyye poseleniya v Rossii pervoy poloviny XIX veka v otsenkakh sovremennikov* [Military settlements in Russia in the first half of the 19th century in the assessments of contemporaries]. PhD dis. Moscow, 1993.]
4. Давыдов Б.Б. «Вольтерьянец» С. Кузьмин // 170 лет спустя... Декабристские чтения 1995 г. Статьи и материалы. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 105. М., 1999. С. 106–109. [Davydov B.B. “Voltairean” S. Kuzmin. *170 let spustya... Dekabristskie chteniya 1995 g. Stati i materialy. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya*. Issue 105. Moscow, 1999. Pp. 106–109. (In Rus.)]

5. Давыдов Б.Б. Декабристы и военные поселения // Вопросы истории. 2013. № 2. С. 163–166. [Davydov B.B. The Decembrists and military settlements. *Voprosy istorii*. 2013. No. 2. Pp. 163–166. (In Rus.)]
6. Давыдов Б.Б. Из истории офицерского движения в военных поселениях в 1826–1827 гг. // Отечественные архивы. 1994. № 4. С. 106–107. [Davydov B.B. From the history of the Officer Movement in military settlements in 1826–1827. *Otechestvennyye arkhivy*. 1994. No. 4. Pp. 106–107. (In Rus.)]
7. Давыдов Б.Б. Лжедекабрист Н. Воротильяк // Отечественные архивы. 1993. № 4. С. 112–113. [Davydov B.B. False Decembrist N. Vorotiliak. *Otechestvennyye arkhivy*. 1993. No. 4. Pp. 112–113. (In Rus.)]
8. Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. I. Ч. I. М., 1927. [Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii. Biobibliograficheskiy slovar [Figures of the revolutionary movement in Russia. Biographical and bibliographical dictionary]. Vol. I. Part I. Moscow, 1927.]
9. Леонтьев Я.В. Малоизвестное воззвание 1820-х годов // 40 лет научному студенческому кружку источниковедения истории СССР. М., 1990. С. 54–60. [Leontyev Ya.V. A kittle-known appeal of the 1820's. *40 let nauchnomu studencheskomu kruzhku istochnikovedeniya istorii SSSR*. Moscow, 1990. Pp. 54–60. (In Rus.)].
10. Орлов А.А. Рецепция английской и французской политико-юридической мысли в идейном наследии А.В. Бердяева (1840-е гг.) // Ключевские чтения – 2020. Народ и власть. Материалы международной научной конференции молодых ученых. / отв. ред. В.Е. Воронин. М., 2021. С. 171–187. [Orlov A.A. Reception of English and French political and legal thought in the ideological legacy of A.V. Berdyaev (1840's). *Klyuchevskie chteniya – 2020. Narod i vlast. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchonykh*. V.Ye. Voronin (ed.). Moscow, 2021. Pp. 171–187. (In Rus.)]
11. Орлов А.А. «Англинская вольность здесь не у места...». История розыска автора «Мнения графа Воронцова» в контексте восприятия британского конституционного опыта в России в первой половине XIX в. // История. 2022. Т. 13. Вып. 7 (117). Россия между Западом и Востоком: диалог культур в исторической ретроспективе. DOI: 10.18254/S207987840022269-4 [Orlov A.A. The history of the search for the author of the “Count Vorontsov Opinion” in the context of the perception of the British constitutional experience in Russia in the first half of the 19th century. *Istoriya*. 2022. Vol. 13. Issue 7 (117). Russia between West and East: Dialogue of cultures in historical retrospect. DOI: 10.18254/S207987840022269-4 (In Rus.)]
12. Рахматуллин М.А. Об одном мифе из истории освободительного движения в России // История СССР. 1992. № 1. С. 87–110. [Rakhmatullin M.A. On one myth from the history of the liberation movement in Russia. *Istoriya SSSR*. 1992. No. 1. Pp. 87–110. (In Rus.)]
13. Троцкий И.М. III отделение при Николае I. Жизнь Шервуда-Верного. Л., 1990. [Trotskiy I.M. III otdeleniye pri Nikolaye I. Zhizn Shervuda-Vernogo [The Third Section under Nicholas I. The life of Sherwood the Faithful]. Leningrad, 1990.]
14. Федосов И.А. Революционное движение в России во 2-й четверти XIX в. М., 1958. [Fedosov I.A. Revolyutsionnoye dvizheniye v Rossii vo 2-y chetverti XIX v. [Revolutionary Movement in Russia in the second quarter of the 19th century]. Moscow, 1958.]

15. Цявловский М.А. Эпигоны декабристов. (Дело о распространении «зловредных» сочинений среди студентов Харьковского университета) // Голос минувшего. 1917. № 7–8. С. 76–104. [Tsyavlovskiy M.A. Epigones of the Decembrists. (The case of the distribution of “harmful” works among students of Kharkov University). *Golos minuvshego*. 1917. No. 7–8. Pp. 76–104. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 11.09.2025, принята к публикации 29.10.2025
The article was received on 11.09.2025, accepted for publication 29.10.2025

Сведения об авторе / About the author

Давыдов Борис Борисович – кандидат исторических наук; независимый исследователь, г. Москва

Boris B. Davydov – PhD in History; independent researcher, Moscow, Russian Federation

E-mail: arkigolkin@yandex.ru